

№ 172 Бедница

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Иоанн Цветков

Вчера Церковь отметила день памяти Иоанна Цветкова - одного из десятков тысяч священников, прошедших кровавую Голгофу сталинских репрессий. 3 года ссылки на этом тернистом пути священномученика Иоанна, аресты, допросы, тюрьмы и, в конце концов, расстрел, приведённый в исполнение 29 ноября 1937 года.

Если обратиться к церковной истории, то сравнительно немного было периодов, когда Церковь не испытывала либо яростных гонений, либо удушающих объятий государственных властителей. Вряд ли из этого следует, что такова воля Божия. Скорее, это греховная воля падших людей. И, тем не менее, как говорят, всё в руках Божьих, и Всевышний, безусловно, мог бы отклонять все эти церковные бедствия.

Но в этом, как раз, и кроется парадокс духовности. В те, не столь продолжительные моменты, когда Церковь оказывалась на вершине благополучия, становилась обладательницей богатства и власти, её начинали наводнять приспособленцы-карьеристы, и Церковь начинала разлагаться изнутри. Это и сейчас хорошо видно. Если храм богатый, возглавлять его, скорее всего, будет священник, отнюдь не возвышенный в духовном плане. Хотя бывает разное - храм бедствует, и настоятель нищенствует просто по лености и головотяпству. И, всё же, очень редко, когда во главе большого собора, а, тем более, епархии, оказывается высокоморальный человек. И, чем богаче епархия, тем такая вероятность ниже.

А вот в годы гонений - негодяев в Церкви не было, потому что быть не могло по определению. Зачем людям, не преданным Богу, а ищущим собственную выгоду, обречь себя на невзгоды и страдания? Такие, ловко устроившиеся попы, бежали из Церкви, как крысы с тонущего корабля. Оставались только верные и преданные. Необязательно образованные. Ныне празднуемый мученик Иоанн Цветков, 1878 года рождения, окончил всего два класса при гимназии. А рукоположили его, малограмотного, в священник потому, что в начале 20-х почти всех грамотных уже перестреляли.

Проповеди Иоанна на Перховском приходе Тверской области были простые, отнюдь не искушённые ораторством - к прихожанам он об-

ращался с элементарными призывами - самим вести себя благолепно и детей водить в храм, носить крестики на груди, в праздники и по воскресеньям обязательно присутствовать на Богослужениях.

«Все эти проповеди Цветкова, — писалось в жалобе председателя сельсовета по требованию НКВД, — были направлены на подрыв колхозов и свержение советской власти. Посему дальнейшая деятельность Цветкова, как врага народа, недопустима, - заключалось в жалобе. - Цветков должен быть изолирован от масс, как враг народа, опасный элемент».

Отца Иоанна арестовали, истязали в застенках НКВД, допрашивали, а 27 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу, который 29-го был приведен в исполнение.

Мораль и средства производства

О. Иоанн. «С возрастом всё чаще приходят на ум рассказы моей покойной бабушки Евдокии - мамы нашего Владыки. Родилась и полжизни прожила она в селе Васильевке Воронежской области простой крестьянкой. Её муж Филипп Антонович был кожевником, на этой работе потерял здоровье и больше десяти лет пролежал прикованным к постели. Собственно, это последнее обстоятельство и спасло его от ссылки, где бы он намного раньше отдал Богу душу. Пришли за ним с кандалами, посмотрели, что он нетранспортабельный, почти покойник, ну и оставили дома.

А вся каша заварилась из-за моего прадедушки - Ивана Васильевича Дрожжина - отца бабушки Евдокии. С самых ранних лет он был первым парнем на деревне - красавец, силач, а, главное, умён, талантлив и мастеровит. Но это полбеды. Настоящая беда была в том, что Иван на радость односельчанам своими руками из подручных материалов соорудил большую ветрянную мельницу, которой хватало на всё село. Не безвозмездно, однако: каждый 10-й мешок перемолотой им пшеницы он оставлял себе. Такие условия всех устраивали - все были довольны. Ещё бы - попробуйте вручную мешков двадцать пшеницы перемолоть!

Хотя, почему бы и нет. Почти в каждом доме в те времена была дробилка - домашний вариант мельницы. Знаете, как она выглядела? Это было два круглых плоских камня. В верхнем камне делали отверстие для засыпки в эту дыру зерна и на нём же крепили ручку для вращения. А в плоскости соприкосновения между камнями делали насечки для более эффективного измельчения зерна. Принцип простой - засыпай в отверстие пшеницу и крути камень до изнеможения, собственно, как это и делали ещё при Иисусе Христе. Нелёгкая работа - камень то тяжелый - если этот жернов привязать человеку на шею и бросить его в водоём, то никакой пловец не выплывет. Помните Господню рекомендацию по поводу людей, несущих соблазн?

Ну, очень тяжело крутить мельничный камень - поэтому все были счастливы отдать мешок пшеницы за девять перемолотых в муку на ветряке, и домашние жернова стали обрастать паутиной. Ну а Иван Дрожжин - богатеть. Кра-

сивый по тем временам у него дом был, много скота – модно одет, обут. Всегда было у него, чем поделиться с нуждающимися – все его уважали, в пояс кланялись при встрече.

Но вот советская власть приступила к очередной операции под кодовым названием «коллективизация». Состоятельные люди, такие, как мой дед Иван Дрожжин объявлены вне закона – их стали раскулачивать. Выглядело это, как обычно – арест, ссылка, откуда уже деду возвратиться было не суждено. Это что касается главы семейства. А с семьёй «врага народа» поступили мягче – всех оставили в живых и на воле, проявили, так сказать, большевистскую снисходительность. Просто в лютую воронезскую зиму Евдокию с тремя малыми детьми выгнали на улицу на мороз, выволокли во двор больного Филиппа, а дом сломали на глазах у домочадцев. Нашему Владыке было тогда 3 года, он держался за мамин подол и кругленькими испуганными глазками глядел как коммунисты с хохотом и улюлюканьем разбирают их родную хату. За руку цепко ухватился Алёша, которому только исполнилось 5 лет, и восьмилетняя Маша, которая не сможет пережить этот кошмар и вскоре уйдёт из жизни. Плюс Дуня к этому времени была уже беременной - под сердцем носила Мишеньку – ныне здравствующего моего дядю Михаила.

По логике ситуации, все должны были умереть уже теперь, скорее, от холода, чем от голода, хотя, на самом деле, неизвестно – отчего гибнуть было страшнее. Перед этим всё съестное было конфисковано. Последнюю лепёшку Дуняша спрятала под подушкой в Петинной люльке. Но коммунисты проявили смекалку – так и нашли эту последнюю лепёшку и даже её забрали вместе со всей остальной едой, оставив малых детей и беременную мать умирать голодной смертью. Благо, соседи оказались не просто сердобольными, но и бесстрашными. Риска оказалась в немилости у большевиков, они приютили молодую маму – дочь кулака с её тремя детьми. Царство им Небесное!»

Но за что же постигла такая участь мельника, его детей и внуков? В чём он провинился перед тогдашним обществом? Это уже вопрос непосредственно по нашей с Вами теме седмичных размышлений «Мораль и капитал». С точки зрения Евангелия, **христианской** нравственности, Иван Дрожжин был человеком положительным – успешным, добропорядочным. Его любили и уважали. Т.е. и по-Божьи, и по-человечески, Иван был хороший. Но тогда что ж плохого он сделал с точки зрения строителей коммунизма, чтобы так с ним обойтись?

Ответ прост – он был человеком **состоятельным** – значительно богаче других – «кулаком», на жаргоне красных партийцев. То, что его богатство значительно улучшало качество жизни окружающим людям – это не в счёт. Лучше б он был нищим бездельником в рваной обуви и худых штанах – таковые являлись, так сказать, опорой нового порядка. Но это если говорить общо. А если конкретно обозначить «смертный» грех мельника, то это будет звучать на языке бывших идеологов примерно так: он виновен в **сосредоточении в своих руках средств производства и извлечении из этого для себя выгоды**. Всё верно - Иван Васильевич построил

большую ветряную мельницу. Это пока ещё не грех, с точки зрения красных. Но присваивать прибыль, используя средство производства – по-советски - это уже достойно смерти. Не важно, что всё происходит на взаимовыгодной основе. Да, хорошо всем, но Ивану то лучше всех. А это уже, по социалистическим меркам, оказывается, безнравственно. Нельзя, чтобы тебе было хорошо. Вот если тебе плохо или так себе, тогда ты - «свой» человек - пролетарий.

Пожалуй, лучше всего эта ситуация изображена в старом анекдоте о мужике, поймавшем золотую рыбку. Знаете, есть анекдоты, которые прямо таки в Библию можно помещать, пусть даже мелким курсивом – в качестве приложения. Ну вот, невозможно лаконичнее объяснить психологию большевизма, чем вот этим анекдотом про мужика, которому золотая рыбка обещает выполнить всё, что он ни пожелает, только с единственным условием – его сосед получит то же самое, но в два раза больше. И вот, представляете, мучения – что же попросить? Дачу? – Так у соседа две роскошных дачи окажется! Машину – то же самое – у соседа два автомобиля будет! Ночь не спал бедняга – всё думал. Приходит на следующий день, зовёт рыбку и просит – сделай так, чтобы я ослеп на один глаз.

Другими словами, уж лучше бы жители Васильевки **своими руками** мололи муку. Да, им было бы изнурительно тяжело, но зато деду Ивану жизнь малиной не казалась бы. И коммунистам на душе спокойно было бы.

На самом деле, речь наша с Вами, конечно же, не о коммунистах, которые нынче даже в парламент не прошли – говорить о них – много чести, а о вещах более глубоких, в высшей степени актуальных, касающихся каждого из нас с Вами. Ведь, коммунисты – это не какие-то инопланетяне, прилетевшие к нам из космоса – это наши братья и сёстры – такие же грешники, как и мы с Вами. Просто у некоторых из них полностью, так сказать, отказала иммунная система. Да, все мы заражены грехом, мы инфицированы. Но у нас духовный организм борется с этой заразой. И красный террор – это лишь одно из **проявлений** всеобщей духовной болезни. Советский тоталитарный режим – это просто одно из самых страшных осложнений инфекции греха, такая вот тяжёлая форма заболевания. Но этот вирус – он в каждом из нас. Советская власть уже давно свергнута, но проблема-то не исчерпана. Дедушка Ленин умер, но дело его живёт. Лучше б, конечно, наоборот.

Потому, что это проблема внутренняя, глубоко в нас сидящая, которую ещё надо уметь в себе разглядеть и найти смелость признаться, хотя бы украдкой от других, себе самому – да я болен. Если нам не скорбно когда другим плохо, значит, мы больны. Если нам не радостно, когда другие радуются – мы душевно нездоровы. Если у нас не поднимается настроение оттого, что сосед заработал много денег, построил красивый дом, купил хороший автомобиль – значит, с нами не всё в порядке. А ежели нам плохо оттого, что кому-то хорошо, значит мы с Вами самые настоящие коммунисты, и не важно, что у нас нет партбилетов.